

ФАКУЛЬТЕТ ПУКВ
ЗАКРДИВ ГЛАЗА

16+

Олег Самохвалов

Раскинув руки и закрыв глаза

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Самохвалов О.

Раскинув руки и закрыв глаза / О. Самохвалов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06231-3

Завораживающе смелая повесть, написанная в жанре мистического реализма с элементами детектива. Сюжет разворачивается в городе, находящемся под властью жестокого бессмертного дракона. Самым удивительным образом переплетаются истории одиннадцати героев: борьба за власть, свержение тиранов, предательство, самопожертвование и, конечно, всепрощающая любовь...

ISBN 978-5-532-06231-3

© Самохвалов О., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

1. Линда	5
День 20	5
2. Алекс	6
День 1	9
День 4	12
День 5	13
День 6	16
День 7	23
День 14	24
3. Звездочет	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

1. Линда

День 20

Ну, здравствуй, белая серая мышка.

Юные веснушки так трогательно рассыпаны на твоём измученном лице с черными синяками вокруг глаз.

Мне нравились прекрасные длинные волосы, но для них ты выбрала тупые канцелярские ножницы из моего стола.

А вот от наивной улыбки меня подташнивает. Она напоминает, что глупость ходит в обнимку с молодостью.

Я смотрю на ногти, забитые землей. Обломанные до мяса о металлические прутья клетки монастырского подвала. Мне жаль тебя, мышка. Лучше бы ты оставалась смешливой официанткой, которую украдкой тискают за упругую задницу пьяные полицейские.

Чего ты ждешь?

Я знаю, ждешь принца, все мышки ждут принца. Невыносимо долго ждут, оставляя открытыми тысячи безликих окон.

Из белого молока за твоим окном кто-то заглядывает в комнату, но это не принц.

Прости, твоя глава слишком короткая.

По правде говоря, ты и ее не заслужила.

2. Алекс

Никто не поверил письму, и, когда Алекс спросил, кто хочет с ним поехать, сначала повисла тишина, а потом в кабинет директора принесли старинную книгу с фотографиями, на которых были изображены разные люди – одни были подвешены за ноги, другие за головы, некоторые, обгоревшие до костей, лежали на снегу. На некоторых фотографиях людей не было, зато были огромные котлованы, доверху засыпанные черепами.

– Ты пойми, – сказал директор, медленно перелистывая страницы, – до города нет дорог. А если и доедешь, спасти тебя от дракона будет некому. Мы даже никогда не узнаем, что случилось.

Окна были открыты нараспашку, но в забитом людьми кабинете стояла духота. Все смотрели на Алекса.

– Я понимаю, – сказал он, чувствуя от общего внимания неловкость и глядя на блестящую от пота директорскую лысину. – А если письмо от дракона настоящее?

Директор отодвинул книгу и поднял глаза.

– Я тебя отпущу. Только ты задай себе другой вопрос: кому это нужно?

Он пожал плечами. Разве и так непонятно?

* * *

Сонная лошадь шла по полю, низко опустив голову, и так плавно, словно боялась разбудить саму себя. На все попытки расшевелить лошадь шлепками по крупу она лишь отфыркивалась, как будто тянущиеся из-под ног травинки щекотали ее темные подвижные ноздри. Он погладил белую теплую шею и сказал:

– Потерпи немного, сегодня отдохнем.

Впереди, на востоке, над темной полосой приближающегося леса, начинало высветиваться небо.

«Тишина как под водой, – подумал Алекс, вдыхая сладкий запах клевера. – И лес как лес, а драконов вообще не существует. Напридумывают ерунды».

Он усмехнулся и потрепал лошадь по жесткому загривку:

– Просыпайся, соня.

В перекинутой через плечо сумке со вчерашнего вечера было пусто, но рука сама расстегнула боковой карман и залезла внутрь. На дне нашлись хлебные крошки, он собрал их пальцами в горсть и засыпал в рот.

Сколько времени он в дороге? Четвертый день, а кажется – чуть ли не месяц назад они остались в кабинете вдвоем (все ушли, а когда прощались, те же люди, которые целый час не сводили с него глаз, боялись пересечься взглядом). Директор стоял у открытого окна, смотрел на улицу и, промакивая бумажными салфетками потную лысину, говорил:

– По-человечески я понимаю тебя. Ты надеешься прикоснуться к детству: найти дом, в котором жил, потрогать старые качели, зайти к соседям, узнать судьбу отца.

– Я слышал, что город перенесли на новое место, – сказал Алекс.

– Ходили слухи, – кивнул директор в окно. – Но и это не главное.

Он помолчал, потом повернулся к Алексу и сказал:

– Мы почти ничего не знаем, что происходило в городе последние двадцать лет, но вполне достаточно, чтобы быть уверенными – более опасного места на планете не существует.

Алекс поднял голову. Прямо перед ним, насколько хватало глаз поле укрывалось лоскутным одеялом тумана. В первых лучах всплывающего из-за леса солнца белые полосы рас-

падались на капельки воды. Подсвеченные горизонтально, они крошечными бриллиантами повисали на паутинках, сплетенных между высокими стебельками травы. Этих маленьких, геометрически идеально выстроенных ловушек, совершенно невидимых днем, оказывалось вдруг миллион.

Ни мух, ни пауков не было в бесчисленных паутинках, но охота уже началась.

* * *

Алекс почему-то думал, что вот этот лес, возле города, он обязательно вспомнит. Но нет, конечно, нет.

Лес стоял перед ним – хмурый, колючий, злой.

В первом ряду вытянулись редкие, прямые, как часовые, березы, а за ними, словно сцепившийся локтями отряд, сплошной стеной ощетинились зеленые ели.

* * *

Лошадь остановилась. Сухие сучья раскиданных вповалку сосен угрожали острыми копытами. Они пошли в обход, но там лежали вывернутые целиком из земли огромные дубы. Их запутанные корни были похожи на гигантских сказочных спрутов, готовых ухватить прищельца своими щупальцами.

«Не хотел бы я встретиться с великаном, который способен на такое», – думал Алекс, направляя лошадь через поваленный лес.

Плутая и сверяясь по компасу, он сделал широкий крюк, однако тут же увяз в трясине. Кривые осины с редкими листьями казались больными, как будто снизу их подьедали болотные чудовища, в сыром воздухе стоял запах сероводорода, а лошадь спотыкалась, проваливаясь в мох.

Пришлось слезть, взять ее за повод и вести за собой. Он промок выше колен, утопая в мутной жиже, и набрал полные сапоги вонючего ила.

Мошकारа облепила, звенела в ушах, он размазывал ее по шее, по подбородку, по волосам, по кистям рук, но победить в этой битве было нельзя.

«Как бы не пришлось опять ночевать в лесу», – подумал он.

Болото кишело бурыми желтоглазыми жабами, кричавшими им вслед резкими, хрипылыми голосами. Сначала казалось, что жабы удивляются неожиданным гостям, потом – что предупреждают об опасности, а потом, когда почти не осталось сил идти дальше, что просто издеваются.

Они сливались с ржавой водой, и он вздрагивал, когда слепленный из бородавок шар отпрыгивал из-под ног. Алекс остановился, сплюнул и сказал жабам:

– Эй! – но голос его, обычно звучный, будто провалился в тягучий ил, и единственный, кого он смог напугать, была его собственная лошадь, от неожиданности дернувшая повод. – Замолчите! – и снова вышло жалко, словно он просил об одолжении кого-то большого, кто запросто мог отказать.

* * *

– Ну мы с тобой измазались! – Алекс сидел, облокотившись спиной на березу, и вытряхивал остатки ила из сапог. – Довези до города, там отмоемся. Я тебя прошу. Что молчишь, поедем?

Белая лошадь стояла рядом, переступая копытами и раздувая ноздри. Грязь на лошадиных ногах высохла и теперь выглядела как серая краска, покрывающая животное почти до живота.

Близко хрустнула ветка, из травы на опушке взметнулась большая черная птица, лошадь отпрыгнула и развернулась в сторону болота.

– Стой! – он подскочил и успел схватить за повод. Лошадь дернулась, но он удержал ее сильной рукой. – Ты куда? Там делать нечего, там мы уже были. И я, между прочим, тебя никогда не бросал, а мог бы.

* * *

... прошу тебя, только не споткнись. Я слишком хорошо помню эту длинную-предлинную секунду, когда тебя выбросило из седла и еще ничего не произошло, но уже ясно, что дальше: резкий удар в плечо, хруст ключицы, потом будто широкой лопатой по спине, чем-то острым по ребрам, спина, ребра, спина. Калейдоскоп перед глазами замирает, ты смотришь вверх. Боль еще не пришла. Спазм в легких. Нужен воздух, спина выгибается, очень нужен воздух... если я не вдохну, я умру...

Услышав близкое хриплое рычание, лошадь понеслась по заросшей лесной дороге, выбивая ритм на старой асфальтовой крошке. Теперь подгонять ее было не нужно. Зрение сузилось до небольшого пятна, по периферии которого пролетали бетонные столбы с ржавыми обрывками проводов.

Свет над ними гас, черными клубами накатывалась грозовая туча. Алекс увернулся от вытянувшейся поперек дороги ветки, но она успела обжечь по щеке и уху. Он провел пальцами по горящей коже, нет ли крови. И в стремительных сумерках не разглядел.

От злобного волчьего воя лошадь вытянулась еще, до самого предела, сколько могла. Где-то близко, срываясь в траву, с охотничьим задором ухнул филин.

По другую сторону взвизгнул детеныш кабана, как будто прорываясь в отчаянии напролом сквозь кусты...

Не споткнись, я прошу тебя, только не споткнись. Здесь не то что ночевать, прилечь на минутку нельзя.

Почти невидимую дорогу разрезала молния, и в короткой белой вспышке он увидел возле ноги вытянутые волчьи морды с летящей по ветру слюной. Алекс ударил лошадь пятками, а с неба в ответ сорвался удар грома. Одна из тварей метнулась к его сапогу, на мгновение зацепилась, сорвалась и хрипло взвизгнула, отброшенная копытом.

Чернеющее небо осветила зарница, а на ней, как на холсте, оказались вычерченными два острых в полнеба крыла и три пары яростных налитых кровью глаз.

И тут же, украв все изображения и звуки, со всех сторон его накрыл летний ливень.

День 1

А на улице, оказывается, кипела жизнь. Когда Алекс распахнул тяжелые коричневые шторы и открыл окно, свет и шум мгновенно наполнили комнату. Он оперся локтями на высокий подоконник второго этажа, высунул голову наружу и с интересом стал разглядывать узкую, без тротуаров, улицу, тесно заставленную старыми двухэтажными домами.

Под навесом крыши серого дома напротив было свито невидимое глазу гнездо, и оттуда безо всяких пауз раздавались требовательные крики. Маленькая бледная птичка метнулась на звуки под оцинкованный водосточный желоб, бодро выскочила обратно и сломя голову умчалась прочь. Все окна серого дома были закрыты пыльными деревянными ставнями, с кирпичной стены тонкими лепестками облезала краска. Снизу стену полулежа-полусидя подпирал расплавленный на солнце черный кот. Поза животного выражала нескрываемое презрение к разбросанным вокруг пустым пластиковым бутылкам и людям, вынужденным огибать кота по неровной бульжной мостовой.

Молодой человек прошел по небольшой и скромно обставленной комнате, перешагнул через гору грязной одежды возле мятой кровати, поднял один, с глубокими порезами, кожаный сапог и с любопытством стал разглядывать его на свет.

Выражение лица, уверенное и беззаботное, как у иностранца, выдавало в нем человека приезжего.

В дверь постучали так, как стучат неуверенные горничные.

Он поспешно скрылся за дверью находящейся тут же ванной комнаты и оттуда уже предложил войти, выглядывая одним лицом и парой кубиков пресса на плоском животе.

Вошла темноволосая девушка, очень красивая, но с полотенцами. Лицо девушки было неуловимо и безнадежно испорчено, как будто в нее только что плеснули из грязного ведра, но еще не долетело. Девушка немного потолкалась в солнечном пятне между окном и находящимся напротив платяным шкафом с двумя побитыми коричневыми дверцами и вышла, а зачем приходила – непонятно.

Молодой человек действительно был иностранцем, приехавшим накануне вечером. Все ему было внове и интересно, да и сам он всему был нов и интересен.

Гость спустился на первый этаж, перепрыгивая ступени. В просторном холле гостиницы за высокой стойкой регистрации стоял небольшого роста, с необыкновенно подвижным лицом и весь какой-то кругловатый хозяин, с которым он уже успел познакомиться накануне. У окна расположились два черных кресла из потертой кожи и небольшой стол, а возле них шуршала та самая темноволосая и коротко стриженная девушка, с которой молодой человек не познакомился, но видел голым из-за двери. С зажатой в руке пыльной тряпкой она выглядела как человек в решительные минуты жизни.

Хозяин приветливо взмахнул руками, словно хотел взлететь.

– Простите, что я ночью долго не открывал. Мы не ждали никого.

– Это вы простите, что я вас посреди ночи на ноги поднял. Как там моя лошадь?

– Накормили. Сейчас отмоем, узнаем цвет. Вы незнакомы? Вега, моя дочь.

Гость широко улыбнулся девушке, но Вега успела увернуться и отразила улыбку спиной. Спина, затянутая в черное облегающее платье, была изящна, но все же не лицо. Молодой человек, продолжая улыбаться, повернулся к хозяину гостиницы и начал задавать вопросы, которые обычно задают люди, если их долго не кормить.

День между тем становился жарким. Ни одно облачко не отбросило тени на кота, удерживаемого в покое силой собственной лени. Подозрительное животное изнывало на июньском солнце.

* * *

– Часы снимите, – пошевелил бровями хозяин гостиницы.

– Что? – не понял Алекс и зачем-то потрогал застежку ремешка на запястье левой руки.

– Вы собираетесь на улицу? Отдайте мне ваши часы.

Хозяин гостиницы сделал жест, каким строгие родители приказывают вернуть вытащенные тайком из кухонного ящика спички: поднял руку ладонью вверх и пошевелил пальцами.

«Начинается! – мелькнуло в голове. – Но в чем подвох?»

– У нас запрещен календарь и измерение времени, – пояснил хозяин гостиницы. – Вы же не хотите первый день провести в тайной полиции?

На стойке регистрации перед ним лежала стопка квитанций, он листал их, шевеля губами и слюнявя указательный палец.

– Но это бессмысленно, – удивился Алекс.

– Согласен, – хозяин гостиницы отложил бумажки на край. – Начинать знакомство с городом с методов работы тайной полиции совершенно бессмысленно. На остальное времени не хватит.

Поразившись аргументу, молодой человек расстегнул ремешок и положил часы на стойку.

* * *

Выглядел он так себе – невысокий, слегка запущенный, не слишком довольный. Совсем не агрессивный, скорее осторожный. Небрежно уложенные булыжником узкие улицы с веточками сдавленных и перекрученных переулков. Обычный провинциальный город, не хуже многих.

Молодой человек поворачивал наугад, пытаясь держать в голове обратную дорогу, оказался у реки, постоял на разошедшемся деревянном мосту. С высоты моста открывался прекрасный вид на мелкую каменистую реку, на бесчисленные ряды двухэтажных домов под одинаковыми скошенными крышами из грязной черепицы, на виднеющуюся вдали длинную линию стены из белого кирпича, ограждающей город по периметру.

Ни воспоминаний, ни ассоциаций, ничего. Даже если это тот же самый город, что могло остаться в памяти пятилетнего ребенка? Нечеткие образы, похожие на старые черно-белые снимки. Вот комната, где он спал. Вот любимые машинки, которые бесконечно катал по ковру с одним и тем же повторяющимся узором, пока взрослые были заняты. Через открытую дверь лаборатории виден отец в окружении бесконечных бумаг и пробирок, но сюда входить нельзя. Кухня, окно во двор. За окном какое-то дерево, а какое? В стекло уткнулись ветки без единого листа, тоненькие, белые от инея. То ли рябина, то ли клен. Не помню...

Алекс дошел до крепостных стен и прочертил город в обратном направлении, улыбаясь встречным людям, но все они искали что-то под ногами.

Центральная площадь ему не понравилась. Ратуша, тайная полиция, редакция газеты – здания вокруг выглядели так, словно им доверили площадь охранять. Под их подозрительными взглядами он почувствовал себя неуютно.

Зато небо над площадью чистое, без единого дракона.

Зря он купил у крикливых мальчишек газету.

На первой странице жирным типографским шрифтом сплошь большими буквами было написано: «СГОРАЯ В ОГНЕ» и ниже помельче, словно на постере под броским названием бюджетного блокбастера: «Враги проклинают тот день, когда появились на свет».

А дальше – на полстраницы – изображение, которое ему привиделось в ночном небе – два изогнутых крыла и три пары красных яростных глаз.

* * *

– Вы выбросили свои сапоги. Мы их вам обратно в комнату принесли.

Молодой человек рассмеялся хозяину гостиницы в лицо:

– Мне один волки погрызли.

– Но второй-то хороший. Держите ключ от номера.

Он повертел ключ в руках.

– Спасибо. Мне не нужны рваные сапоги.

– Воля ваша. Рваный выбросим.

Алекс почесал в затылке.

– Зачем мне один сапог? У меня две ноги.

Здравый смысл молодого человека страдал – и от разговора, и от собственных слов, и даже от того, как он объяснил хозяину гостиницы сколько у него ног – показал двумя пальцами латинскую *vz*, все звучало и выглядело сплошной нелепицей.

– Вы словно вчера родились, – сказал хозяин гостиницы и не пытаясь скрыть превосходства. – Из следующей пары один украдут, будете локти кусать.

Для убедительности он ущипнул себя за нос, давая понять, что не может тратить много времени на всякую ерунду.

«Он издевается надо мной», – думал Алекс, поднимаясь по лестнице к себе в комнату.

День 4

Странные вещи творятся здесь.

Городом управляет дракон, что редкость по нынешним, далеким от средневековья, временам. Дракон не слишком зол, в меру необходимости жесток, слегка отстранен. Готов сразиться по правилам и без с любым желающим и нежелающим. В боях убедительно подл, грязен языком. Пленных без очевидной выгоды не берет. Имеет три головы, у каждой свое мнение, одно удобнее другого.

Местная газета сообщала новости, каждая из которых заслуживала неподдельного восхищения.

– Пишут, – лицо сидящего в кресле Алекса было закрыто развернутой перед ним газетой, – что дракон всенародно любим. – Сделав ударение на словах «всенародно любим», он положил газету на стол и посмотрел так, словно приготовил логическую ловушку.

– Чистая правда, – без тени смущения подтвердил хозяин гостиницы, как обычно раскладывая бумагу за стойкой.

– Как может быть любим тиран и убийца?

– Да какой он тиран, – поморщился хозяин гостиницы, – давно в самодуры переродился. И из убийц не самый серийный, мы и не таких душегубов на руках носили.

Молодой человек был готов к подобному ответу и сказал, нажимая на слова, как следователь:

– В городе исчезают молодые красивые девушки. Говорят, дракон похищает их, чтобы оставаться бессмертным.

– Станете известным, молодой человек, про вас и не такое расскажут.

– Наговаривают? – саркастически уточнил Алекс.

Хозяин гостиницы оторвался от своих дел и посмотрел на гостя глазами школьного учителя, уставшего объяснять очевидное.

– Я вам так скажу: нет ни одного дракона, о которого толпа не мечтала бы вытереть ноги. И нет ни одного дракона, которого та же самая толпа не готова вознести до небес.

Молодой человек не выдержал, вскочил на ноги и, размахивая руками, начал мерить шагами холл гостиницы.

– Ладно, допустим, он не тиран. Предположим даже – вегетарианец. Но скажите мне, как можно полюбить дракона?!

Он остановился перед собеседником с таким видом, словно теперь от того зависело, перестанет ли вращаться земля или сколько людей не доживут до завтрашнего дня.

Хозяин гостиницы нахмурил брови, сделал губы трубочкой, неторопливым изящным жестом разгладил невидимую козлиную бородку и задал встречный вопрос:

– А как мы одни без него?

Улыбка гостя подвела и стала похожа на гримасу, пытающуюся скрыть отчаяние.

Он постоял, открыв рот. Закрыл, постоял, открыл. Не нашел слов, ушел. Прелестный уголок.

Из хорошего.

Сегодня, выходя из номера, гость снова встретил девушку Вегу. То ли он был предвзят после долгой дороги, то ли девушку подменили, но впечатление поменял на противоположное. Дочь хозяина гостиницы не просто красива, а вооружена чудесной улыбкой и живыми глазами. Каким-то образом у молодого человека возникло волшебное настроение на весь день.

День 5

В пятницу с самого утра хозяин гостиницы находился в приподнятом настроении, какое возникает у людей, которые долго чего-то ждали, и вот оно пришло. Более охотно и менее издевательски, чем в другие дни, он отвечал на глупые вопросы иностранца, а сразу после обеда проявил невиданную прежде эмпатию, хлопнув молодого человека по плечу:

– Не вешайте нос! Ошибка в том, что вы все на свете хотите объяснить. Объяснять не нужно, нужно запоминать. Вам мудрость откроется. Помните, я обещал вас сводить в трактир?

Мужчины, которые благодаря хлопку хозяина гостиницы перестали считаться малознакомыми, по-приятельски вышли из гостиницы и направились в сторону трактира, находящегося в трех кварталах по соседству. Трактир оказался серым двухэтажным зданием, не хуже остальных вокруг, зато празднично подсвеченным огнями изнутри. Из открытых окон первого этажа, приглашая потанцевать, выплескивалась нетерпеливая музыка.

Впрочем, это был не праздник, а лишь его предвкушение. Фонари не успели загореться на городских улицах, и в тот момент, когда Алекс и хозяин гостиницы распахнули приветливую дверь, трактир оказался пуст и напоминал мышеловку с взведенным механизмом и аппетитнейшим кусочком сыра внутри. Не хватало только самого главного – любопытных мышей. В просторном помещении, заставленном некрашеными деревянными столами и такой же грубой расцарапанной барной стойкой с несколькими вытянутыми этажами темных бутылок позади, их поджидали два человека – владелец трактира и беловолосая официантка в веснушках, похожая на него как родная дочь. Большой краснолицый трактирщик сам проводил первых гостей через пропахший кислым вином зал за первоклассный столик возле окна.

Хозяин гостиницы попросил принести настойку из полыни, просто посмотреть на этикетку, на что трактирщик хмыкнул, то ли одобрительно, то ли не отвечая за последствия.

С этой минуты ржавые механизмы времени словно сами собой смазались изнутри, шестеренки стали уверенно цепляться друг за друга, закрутились быстрее, а потом и вовсе понеслись вскачь.

Через пару часов в трактире было не протолкнуться, а на деревянном столе у открытого летнему вечеру окна неравномерными кучками оказались разложены куриные кости. Ели руками. Мутными лужами растекались пьяные разговоры.

– Зачем вы кинули бутылку? – непонимание на лице Алекса смешивалось со смущением, как будто он чувствовал себя виноватым за глухой удар толстого стекла о булыжную мостовую за окном.

– Она пустая, – успокоил его хозяин гостиницы, нос которого жирно блестел, делая похожим на лису, попавшую в курятник.

– Нет, зачем ее вообще кидать в окно? Вон та милая девушка с веснушками забрала бы ее вместо новой. Под окном могли люди стоять.

– Вашу милую девушку не докричишься. А если кто-то подслушивает в темноте под окном, то так ему и надо.

Выпили. Гость хмурился, как человек, обнаруживший на своем лице новые мышцы.

– Послушайте, я заметил – в городе очень грязно. Сначала я не мог понять почему. Уборщики мусора постоянно на виду, но чище не становится. Теперь я понял. Вы все время мусорите. А еще вчера на меня прямо с фасада соседнего дома осыпалась штукатурка, хорошо, что в этот момент я очень удачно поскользнулся на арбузной корке. Повезло, буквально в считанные сантиметры.

– Это не страшно, – невозмутимо ответил хозяин гостиницы, хищно обгладывая куриную ногу. – Если вы все время внимательны и поглядываете наверх, ничего не случится. К тому же, – он отбросил кость в сторону и немедленно ущипнул себя за кончик носа большим и указательным пальцами.

зательным пальцами, как будто и оттуда хотел оторвать кусочек, – мусорить необходимо, иначе уборщикам мусора будет нечего убирать, начнутся увольнения, потом забастовки, волнения, полиция захочет пострелять и так далее. Станет только хуже, я уверяю. Вы же не хотите, чтобы в городе стало хуже? – он вдруг посмотрел на Алекса взглядом сельского детектива, пораженного ужасной догадкой.

Решительно никто в переполненном трактире не обращал внимания на спор двух подвыпивших мужчин возле окна.

Владелец трактира о чем-то беседовал с толстым неприятным человеком в рясе, сидящим за барной стойкой, беловолосая официантка улыбалась гостям за соседним столиком. Люди вокруг убедительно изображали вечер пятницы – кричали, размахивали руками, звенели бокалами.

– Я хочу, чтобы стало лучше, – не очень уверенно сказал Алекс, глядя на собеседника, жирные куриные пальцы которого опять встретились на носу.

Хозяин гостиницы хлопнул в ладоши как человек, худшие подозрения которого рассеялись.

– Вот и чудесно! Соберите в газету куриные кости и киньте в окно. Это будет наш с вами вклад в мир в городе.

Подлили еще и выпили, заполнив паузу.

– Я не хочу больше с вами пить, – объявил вдруг Алекс и решительно отодвинул пустую рюмку. Теперь он выглядел человеком, пусть и сбившимся с пути, но случайно и недалеко.

– Если перестанете пить, утром вам будет плохо, – возразил хозяин гостиницы воспитательным голосом, возвращая рюмку на место.

– А если не перестану?

– Будет еще хуже... но вы не будете по этому поводу переживать, – пожал плечами хозяин гостиницы, приподняв почти до середины лба обе густые брови и как бы снимая с себя всякую ответственность. – Выбирайте.

– Я выбираю... так, что я выбираю? – молодой человек непонимающе моргал.

Симпатичная официантка со смешными веснушками на лице подошла к ним поинтересоваться, нужна ли помощь. Помощь была нужна, но иностранец был не в силах сформулировать вопрос.

– Хотите, чтобы я выбрал за вас? – с участием в голосе поинтересовался хозяин гостиницы и не глядя наполнил рюмки, ювелирно вырезав их по краям.

– Я запутался. Вы меня запутали. Хочу.

– Бросайте курицу в окно, – неожиданно приказал хозяин гостиницы, зверски поблескивая краешком носа.

– Я не могу. Меня учили, что так нельзя.

– Вы себя не знаете. Как только бросите, станет легче.

Со стороны казалось, что молодой человек сейчас расплечется.

Хозяин гостиницы поднял свою рюмку, прицелился и залпом опрокинул содержимое.

– Так всегда бывает, – сказал он авторитетно. – Как только выбор сделан, любой, неважно какой, сразу легче. Бросайте.

– Нет, – помотал Алекс чугунной головой. – У меня такое чувство, если я брошу, это будет страшной ошибкой. Я стану одним из вас.

– Мне слышится в ваших словах пренебрежение! – брови залезли на запретельную высоту, угрожая обрушиться вниз со страшным грохотом.

– Простите, я не хотел вас обидеть. Но я не могу быть как вы. Я другой.

– Вы не можете быть уверены, пока не попробовали. Бросайте курицу.

– Нет, – сказал молодой человек, не вполне попадая в нужный тон.

– Я вас заставлю.

И действительно, хозяин гостиницы перегнулся через стол и схватил нетвердого молодого человека, будто приглашая на танец.

– Что вы делаете, отпустите! Не надо меня тащить к окну! Вы меня перемазали куриным жиром, я буду вонять.

– Мы все воняем.

В обычной жизни мускулистый молодой человек без труда бы одержал верх над лишенным атлетизма соперником, но настойка из полыни оказалась энергетическим каналом, по которому силы иностранца подлым способом перетекли к оппоненту.

Одновременно подтвердился тезис о том, что алкоголь делает жизнь людей интереснее.

– Отпустите, – сдавленным шепотом попросил Алекс из полупартера.

– Отпустите курицу, а я отпущу вас.

– Она упадет в окно.

– Вы спасете бездомную собаку, может быть, – прорычал хозяин гостиницы, постепенно одерживая верх.

– О господи, я сейчас отпущу.

– Отпустите, а я вам за господу отпущу. Будем квиты. Хорошо, хорошо, разожмите пальцы. Ну вот и все. Так лучше?

Потрясенный молодой человек рухнул на стул.

День 6

«Я у себя в номере», – подумал Алекс, разглядывая белый крашеный потолок и чувствуя, что лежит на кровати. Приподняв всеми мышцами тела голову, он обнаружил, что на нем мятая вчерашняя рубашка и брюки, а кровать заправлена. Краем глаза удалось зацепить кувшин с водой на полу. Он попил прямо из кувшина, с усилием отжавшись на локте, и, конечно, облился. По жизненным показаниям очень хотелось дышать свежим воздухом.

Часть воспоминаний была потеряна, а оставшиеся хотелось забыть.

«Что же ты, даже не разделся», – он решил думать о себе во втором лице, но и так было стыдно.

Он перебрался к окну и поразился – дом напротив исчез. В воздухе висел густой туман, словно пролили молоко.

Алекс переоделся и в легкой футболке спустился на улицу, замерз в молоке и с каким-то злорадством подумал: «Так тебе и надо».

Он пошел без цели приглушенными, почти невидимыми улицами.

В призрачном свете, едва проникающем сквозь белые хлопья тумана, ему вдруг показалось, что он разглядывает стопку найденных на дальней полке черно-белых фотографий. Только на старых оборванных по краям картинках мостовая была широкой, а на дома надо было смотреть напрягая шею и задирая подбородок вверх. Из открытой двери булочной манит запах свежего хлеба. Он шел, шагая с одного большого камня на другой словно с кочки на кочку, спотыкаясь и повисая на одних руках, за которые его держали два сильных человека – отец в круглых очках и мама, молодая, яркая...

... Из оцепенения его вывел странный звук, который раздавался из серого неприметного дома на одной из улиц. Он никогда не слышал, как рождает корова, но было похоже. Внезапно дверь серого дома открылась, и на пороге оказался вчерашний трактирщик.

«Мы же здесь вчера были», – с удивлением сообразил Алекс.

Утром субботы трактир выглядел как известная актриса без грима и софитов, самым заурядным зданием.

На шее трактирщика синими канатами надулись вены.

Сзади стояла хрупкая жена и удерживала огромное тело одной тоненькой рукой за завязки фартука. Трактирщик казался гигантским насекомым, насаженным на невидимую булавку. Булавка фиксировала его по центру, конечности при этом совершали хаотичные движения, как будто ему срочно надо, но нельзя куда-то идти.

Алекс предложил помощь, полные слез глаза трактирщика смотрели мимо. Жена попросила отвести мужа в дом.

По хрустящим осколкам вчерашней посуды, сверкающим как фальшивые драгоценности, они прошли через безжизненный зал с грубыми деревянными столами и за барной стойкой у дальней стены поднялись по узкой винтовой лестнице на жилой второй этаж. Пришел врач, трактирщика уложили в кровать, он не сопротивлялся.

Задавать вопросы было неловко.

«Как бы повежливей уйти?» – думал забытый в углу хозяйской спальни Алекс, вдыхая расплывшийся в воздухе аромат успокоительных капель и невольно подслушивая, как доктор убеждает жену трактирщика в пользу холодных компрессов.

* * *

Когда Алекс вновь оказался на улице, солнечные блики играли на оконных стеклах. Туманное наваждение исчезло, город вернулся – незнакомый, враждебный, чужой.

Он вспомнил слова директора:

– Я не могу запретить тебе умереть, это твое право. Но я запрещаю ставить под удар других людей. Двадцать лет назад город изолировал себя от мира. Они предупредили, что любые попытки наблюдения или контакты будут расценивать как угрозу и применят биологическое оружие. Мы даже из космоса перестали их фотографировать.

– Я не собираюсь искать отца, – равнодушно пожал он плечами. – О чем говорить с человеком, который двадцать лет назад нас бросил?

– Правильно, – сказал директор. – Тебе предложили работу? Вот и работай. Никому не доверяй. Будут рассказывать про духовность – кивай. Помни, первый встречный продаст тебя тайной полиции. Почувствуешь опасность – уходи.

Под ногу Алексу попала пустая банка из-под колы, и он механически пнул ее. Она покатилась по камням, звеня и подпрыгивая. Он поднял банку и какое-то время нес. Выкинуть ее было некуда.

Почему отец отправил их из города одних? Почему остался и где он сейчас? Мама никогда про него не рассказывала...

* * *

Возле центральной площади происходили таинственные приготовления, в которых были замешаны армия, полиция и много других людей без особых занятий, но с внимательными взглядами. Прямодушный Алекс задал пару невинных вопросов случайным прохожим, которые вместо ответа убежали.

Там, где улица выводила на площадь, люди в форме царапали булыжник тяжелыми металлическими заборами, в два ряда выставляя их поперек дороги. Между рядами заграждений уже были выложены бетонные блоки и мешки с песком, подходящие для игры в войну. По узкому оставленному проходу громыхая подъезжали телеги, груженные камнями. Чуть дальше, на площади, человек в форме лейтенанта что-то объяснял другим людям с винтовками, указывая на крыши зданий.

Алекс направился к лейтенанту, словно почувствовав в том человека, который может ответить на уместные и естественные вопросы, но возле заборов ему тоже догадались задать вопрос:

– Куда вы идете? – невзрачный человек в скверно сшитом сером костюме смотрел на гостя милицейскими глазами.

– Хочу посмотреть площадь.

– Сегодня нельзя.

– Я просто гуляю.

– Гуляйте в другую сторону.

– А что здесь происходит?

– Я позову старшего.

Серый, видимо, не специалист по диалогам, исчез, чтобы появиться через минуту в сопровождении другого и тоже серого человека.

– Что вам нужно на площади? – начал второй серый подготовленным голосом.

– Кто-то собирается напасть на город? – вопросом на вопрос ответил Алекс.

– Вы кто?

– Я иностранец, приехал издалека.

– Минуточку.

Второй серый также растворился. В этот раз пауза оказалась длиннее, зато третий появившийся не только был прилично одет, но и оказался человеком дела:

– Документы предъявите.

Алекс открыл рот, но третий, глядя в предъявленную бумагу, сказал тоном, не допускающим возражений:

– Сюда нельзя.

– Я не понимаю почему.

Человек поднял голову, и Алексу наконец-то хоть кто-то улыбнулся.

– Не надо ничего понимать. Мы вас задерживаем, до выяснения обстоятельств.

Его поручили испуганному человеку с пистолетом, потом еще дважды передали из рук в руки. Новые знакомые принимали задержанного неохотно, как будто он был испорченный просроченный товар, за который не выручишь много.

Случайно или намеренно, но сложная операция была проведена таким образом, что желание иностранца исполнилось. Он был дважды проведен через всю площадь и рассмотрел вблизи возводимые укрепления. Прямо посреди площади из огромных камней выстроили стену высотой в два человеческих роста. Перед стеной, метров за двадцать, лежали кучи из более мелких камней. Возле стены сколачивали деревянную площадку, похожую на крохотную сцену, на которую вели три ступеньки.

В конце концов кто-то догадался его отпустить, повернув лицом в сторону гостиницы и легонько подтолкнув.

На обратном пути Алекс недоумевал и сожалел, что доставил столько волнений милым людям, которых он отвлек от срочных приготовлений. Он испытывал к ним благодарность за то, что, несмотря на очевидные проблемы, они сумели скоординироваться так, чтобы удовлетворить его, в сущности, праздное любопытство.

* * *

– Кто там? – послышалось откуда-то из глубины.

– Это я, – Алекс стоял в холле гостиницы, пытаясь понять, откуда доносится приглушенный голос. – Вы где?

– Идите на звук.

Он зашел за стойку регистрации и заглянул в приоткрытую дверь позади. Там оказалась узкая вытянутая кухня со столешницей, шкафчиками и мойкой вдоль длинной стены, освещенная слабым электрическим светом и без единого окна.

– Я здесь, – сказал голос ближе.

Алекс прошел через кухню и увидел с другого торца завешенный тряпкой дверной проем, а за ним похожую на шкаф комнату, подсвеченную, вопреки обыкновению, не сверху, а из-под ног.

– Осторожнее, не сломайте голову, – предупредил голос снизу.

Алекс заглянул в квадратное отверстие в полу.

– Залезайте, – сказал хозяин гостиницы. – Мне нужна помощь.

Он с трудом протиснулся по узким ступенькам и оказался в низком тускло освещенном погребе.

* * *

– Вы не знаете, что происходит в городе? На площади войска, все огорожено, строят танковые укрепления. На нас что, напали?

– Кому мы нужны, – махнул рукой хозяин гостиницы. – К празднику несогласия готовятся. Посмотрите, что на банке с маринованными опятами написано. Им лет десять, не меньше.

– Ничего не написано, эта слизь на грибы не похожа. Несогласия? Кого с кем?

– Сейчас уже никого и ни с кем. Пережиток. Все, что выбрасывать, ставьте на пол наверх. Проверьте верхнюю полку, особенно соленые огурцы. Мне кажется, запах от них.

– От огурцов точно, – согласился Алекс. – Но не только от них.

В низком сыром полумраке им обоим приходилось стоять неудобно пригнувшись. Касаться макушкой холодного деревянного потолка было как-то не по себе.

– Раньше, – пояснил хозяин гостиницы, – лет сорок назад, были несогласные с драконом. Сначала дракон запретил им собираться. Затем приказал до крови прикусить языки. Потом жег и пытал. Но их становилось не меньше, а наоборот. Эх, огурцы жалко, столько труда!

– Что тут жалеть, посмотрите, лишай в банках.

Хозяин гостиницы шурился, разглядывая банку с огурцами.

– Глаза стали ни к черту, хорошо, что вы пришли. Выкидывайте. Ну вот, тогда в мудрости своей дракон выделил специальный день, когда можно было совершенно безнаказанно выйти на площадь и говорить все, что думаешь. Сам дракон в этот день улетал подальше, чтобы не сорваться и не спалить все к черту.

– Как интересно, – задумался Алекс, – не ожидал такого от дракона. Должно быть, в результате начались волнения.

– Да, но не те, о которых вы подумали. Возмутились мирные и давно на все согласные горожане. Они обратились к дракону с просьбой разрешить возражать несогласным. Сзади вас вино, осторожней, не смахните на пол.

По периметру квадратного погреба в несколько этажей были выстроены полки, а одна из стен была целиком закрыта покрытыми пятнами пушистой белой плесени бутылками. От взгляда в эту сторону щекотало в носу.

– Справедливо, – согласился он. – Если ты не согласен, будь готов к тому, что и с тобой могут быть не согласны.

– Дракон тоже согласился. На площадь привезли камни. Если тебе не нравится выступающий, берешь камень и – раз! – в лоб.

Увлечшись рассказом, хозяин гостиницы чуть не разбил подвешенную на толстом проводе под потолком белую без плафона лампочку. Тени на земляных стенах зашатались.

– Так нельзя!

– Вы не видели этот театр абсурда! Сами бы первый камень схватили.

– Сомневаюсь. Что так возмутило горожан?

– Сам факт. Ну ладно, ты дракон. У тебя свое мнение. Но если ты человек, с какой стати? Чем ты лучше других?

Алекс озадаченно смотрел на хозяина гостиницы, хотелось думать, что тот шутит, но в тусклом освещении нельзя было сказать наверняка.

– Сами виноваты. Говорили, что дракон ограничен в своей мудрости и не имеет права на несправедливости. Что желтоглаз, одноголов и похож на журавля. Что подсуден за грехи. Что период бессмертия дракона надо ограничить двенадцатью годами, что бы это ни значило.

– Подождите, я правильно понял, что дракон натравил жителей города друг на друга?

– Никто никого не натравливал. Дракона в городе не было. Вы про оторванцев когда-нибудь слышали?

– Нет, не слышал.

– Ну, еще услышите. Вот как раз тогда они появились, с них все и началось. Что-то мы с вами разошлись сегодня. Вылезайте наверх, и так уже половину погреба уговорили меня выкинуть.

Алекс словно не слышал собеседника.

– Не понимаю. Почему одни люди кидали камни в других?

– Для упрощения объяснений. Не сильно. Вы зря возмущаетесь. А то мы договоримся до того, что детей нельзя ремнем наказывать. Вылезайте.

Они поднялись наверх и прошли через кухню, оставляя на полу земляные следы.

– Послушайте, – вздохнул Алекс, растирая затекшую шею и шурясь от яркого солнечного света, заливающего холл, – завтра в городе будет праздник, во время которого одни люди будут кидать в других камни. Я ничего не перепутал?

– Все перепутали, – замахал руками хозяин. – Мы же не оторванцы какие-то. Будет семейный праздник, люди будут гулять, радоваться жизни, веселиться. Камни покидают, но ни в кого не попадут. Несогласных теперь днем с огнем не найти. Спасибо мудрости дракона, не зря говорят: одна голова хорошо, а три – совершенство.

– Странные у вас обычаи.

– Людям нужно выпускать пар. Разнесут стену, и легче станет. Сами попробуйте. Если до весны останетесь, будем жечь чучело на масленицу, удивитесь еще больше.

Алекс почти физически ощутил, как внутри него прорастают душевные сорняки. Попытки вникнуть в городские нравы отражались волнами головной боли, сердце колотилось, спина и шея промокали внезапным холодным потом. Опытный в подобных делах хозяин гостиницы подмигнул и предложил буквально на минуточку вернуться в винный подвал.

– Спасибо, меня и так знобит, – сказал Алекс. – А зачем эти банки, мешки, коробки?..

– Вы спрашиваете, зачем нужна еда? – ехидно уточнил хозяин гостиницы.

– Зачем нужна еда, я понимаю. Зачем столько еды?

Хозяин гостиницы пошевелил бровями.

– Вот и вы меня в тупик поставили, на ровном месте.

Они собрали в холщовые мешки из-под сахара всю негодную провизию. Хозяин гостиницы почесал за ухом, глядя на два заполненных доверху мешка:

– Отнесем вашей лошади.

– Да вы что, – поморщился Алекс, – она такое есть не будет.

– Вы и лошадь разбаловали, – неодобрительно заметил хозяин гостиницы. – Тогда на задний двор, пока Вега не вернулась с рынка. Как бы не заставила заново перебирать.

Когда Алекс прислонил мусорный мешок к стене заднего двора, внутри глухо звякнуло, и воздух густо наполнился запахом тухлых соленых огурцов.

– Вы знаете, – сдерживая подкатившую икоту и плутая в падежах, вдруг сказал он, – я бы не хотел, чтобы вы вдруг неправильно не подумали...

– Я знаю. Моя дочь красавица, не правда ли?

– Очень! – горячо подтвердил Алекс. – Вы не возражаете, если я приглашу ее на свидание?

– Моя дочь не только красавица, но и умница. Я не возражаю.

Хозяин гостиницы прямо и насмешливо смотрел на гостя. Тот так смутился, что даже похмелье временно отступило.

– Кстати, – добавил хозяин, – попросите ее сводить вас завтра на праздник. Заодно убедитесь, что не такие уж мы дикари, как вы сами для себя решили.

* * *

Ближе к вечеру в дверь номера постучали. Дочь хозяина гостиницы из-за двери крикнула, что к нему пришли.

«Кто бы это мог быть?» – удивился Алекс.

В холле гостиницы стоял тот самый лейтенант, с которым он хотел, но не смог поговорить утром на площади. Лейтенант, прямой, подтянутый и в новой форме, полыхал молодостью и энергией. Стоять на месте так, чтобы не пританцовывать, он не мог. Первым делом Алексу было предложено подышать свежим воздухом.

Они пошли по городу без видимого плана, но на каждом перекрестке лейтенант выбирал самое тихое и безлюдное направление. Чудесный, каких бывает немного, почти бесконечный летний день потихоньку растворялся и остывал. Дома на узких, без тротуаров, улицах отрасли длинные тени.

– Кажется, я видел вас вчера в трактире. Вы сидели за столом возле окна, – сказал лейтенант.

В ответ Алекс пробормотал что-то не вполне разборчиво – он ясно помнил лейтенанта сегодняшним в центре города, но картина вчерашнего вечера была размыта, сомнительна по содержанию и совершенно лишена нового знакомого.

– Вам нужно срочно уехать, – по-военному, короткой дорогой перешел к делу лейтенант.

– Простите, я не понимаю. Меня пригласили, я жду важной встречи.

От этих слов лейтенант отмахнулся как от мухи.

– Прошу, исключительно между нами. Предстоят большие перемены. Вчера дракон подписал указ о своем несуществовании.

Неудивительно, что от таких слов Алекс испытал что-то вроде мысленного паралича. Смятение, по всей видимости, настолько исказило его лицо, что лейтенант поспешил пояснить:

– Понимаю, звучит нелепо. Но только на первый взгляд. Сверхсущество устало, и государственные дела его давно не интересуют. Муторно, и мотивация ниже нуля. Но как сойти со сцены? Только за кулисы – тебя за хвост и обратно под софиты, а там уже гильотина, в нашем случае три, – лейтенант ребром ладони показал как работает гильотина. – Все тираны приговорены к пожизненному управлению.

Алекс сбивался с шага, стараясь не наступать на разбросанные повсюду окурки и пивные бутылки. Он едва успевал за собеседником, который шел прямо, не замечая ничего вокруг.

– Нельзя к власти относиться спустя рукава. Люди страх потеряли. А без страха, как без цемента, – всю силу цемента лейтенант выразил сжатым кулаком, как бы прикрывая от удара нижнюю челюсть, – все рушится: авторитет, стабильность, сама власть. Но сегодня приятно удивил, как в молодости. Указ о несуществовании – это блеск.

Из открытого окна второго этажа им высыпали под ноги целое ведро картофельной шелухи. Лейтенант на секунду остановился, но не сбился с мысли:

– Во-первых, красиво. Первый случай в истории. Во-вторых, заложены гарантии безопасности дракона после начала несуществования. Раз дракона не было, то и обвинить его в жестокости, убийствах, казнокрадстве будет нельзя. Дракон сохраняет монополию на посеvy чумы. Мудро. Лишняя гарантия не помешает. Кроме того, он оставляет за собой право красть девушек для целей бессмертия. Здесь были споры, удалось ограничить – две девушки в квартал. Не моложе семнадцати лет. Хотел без ограничений, шельмец, мы встали ребром. Понимаю, звучит дико. Но какие варианты?

Ум Алекса в целях самосохранения перешел из стадии «не может быть» в стадию «дзен». Если бы лейтенант на глазах у него превратился в бабочку и помахал крыльями, он бы помахал ему в ответ. Между тем лейтенант продолжал свой рассказ:

– Мы ожидаем серьезные потрясения вследствие нарушения баланса сил. Начальник тайной полиции будет рвать зубами епископа и наоборот. неизбежно зарождение нового дракона. В каком качестве вы приглашены?

– В качестве эксперта по счастью. К нам во Всемирный Институт Исследования Счастья пришло письмо о том, что дракон хочет проводить реформы.

– Реформы? – ухмыльнулся лейтенант. – Забавно. Зачем?

– Цель реформ состоит в том, чтобы исключить возникновение новых драконов, – пояснил Алекс. – История учит, что счастливое общество стерильно в плане производства драконов. Будем создавать модель счастливого человека.

– Так вы с драконом ждете встречи? – лейтенант резко остановился и повернулся к нему лицом. – Тогда воспользуйтесь советом: перед встречей с драконом доделайте все дела и отдайте необходимые распоряжения.

За этими словами последовала пауза, во время которой Алекс смотрел на лейтенанта, испытывая недоумение, а лейтенант на него, как будто сомневаясь в умственных способностях.

– Оказаться в клетке с голодным тигром значительно безопаснее, – пояснил лейтенант.

В этот момент их внимание отвлекла гнедая лошадь, вышедшая с боковой улицы на ближайший перекресток. Лошадь увлекала за собой телегу с некруглыми деревянными колесами и печальным небритым человеком. Человеку на телеге было очевидно все равно, куда ехать. Лошадь настолько хорошо знала, что делать, а человек был настолько безразличен, что они напоминали опытную семейную пару.

«Он психически нездоров», – догадался Алекс, имея в виду лейтенанта.

Словно в подтверждение, лейтенант вдруг повернул его направо, подхватил ладонью за середину спины и быстро повел переулком. Алекс шел мелкими шагами и безропотно, напоминая вагончик, подцепленный паровозом для удобства спереди. На параллельной улице свернули налево, лейтенант перехватил его за локоть и новым способом протащил еще метров пятьдесят. Алекс дважды открывал рот для необходимых уточнений, но оба раза лейтенант сжимал присвоенный локоть пальцами и оглядывался назад, будто ожидая кого-то увидеть. Достигнув одному ему известной цели, лейтенант ослабил хватку и спросил:

– Вы ничего странного по дороге в город не заметили?

– Не заметил. А, нет, заметил! Дороги заросли. Сплошные леса и болота, не проехать и не пройти. Меня чуть дикие звери не съели.

– Да, – мрачно сказал лейтенант, как будто подтвердились худшие опасения, – враги наложили на нас гуманитарное проклятие.

Алекс понял, что его слова истолкованы неправильно.

Он открыл рот, чтобы объяснить, но лейтенант прервал его жестом:

– Вы опоздали. На ваше счастье, встречи с драконом не будет. Реформ не будет. Будет реакция. Кроме того, мы ожидаем провокаций из-за границы, многие заинтересованы расшатать ситуацию. Для вас, как иностранца, вдвойне опасно оставаться.

Они зашли на скрипучий деревянный мост через реку, разделяющую город на две части. Доски моста разошлись, и идти нужно было так, чтобы не наступить в широкие щели между ними. Поднявшись до середины моста, лейтенант остановился и стал смотреть на убегающую по камням мутноватую воду. Целая флотилия пустых пластиковых бутылок устраивала гонки. Самые хитрые прижимались к берегу, где течение было быстрее. Наименее осторожные зацеплялись за торчавшие на дне коряги или выкатывались на каменистую отмель, где их уже поджидали намокшие картонные коробки и пустые банки из-под колы. Между вонючими мусорными пакетами, не скрывая восхищения, сновали крысы.

– Пора что-то решать с оторванцами, – сказал лейтенант и пояснил, отвечая на немой вопрос собеседника: – Эти разбойники расконсервировали старые свалки эпохи потребления, и из них на город высыпались тонны мусора.

На дороге, прекрасно просматривавшейся с высоты моста в обе стороны, никого не было, и лейтенант совершенно успокоился. Они постояли молча, любуясь закатным солнцем, опускавшимся за далекую белую стену, окружающую суетливый и неряшливый город.

– У нас так мало теплых дней, что уже с середины лета мы начинаем тосковать о нем и ждать следующего, – неожиданно с горечью произнес лейтенант и, повернувшись к Алексу, продолжил совершенно другим тоном: – Уезжайте и ждите, когда позовут опять. Хочу предупредить, – лейтенант понизил голос и нахмурился, – каждый десятый в городе – агент тайной полиции, поэтому, пожалуйста, не вынимайте понапрасну язык из-за зубов, пока не отъедете от границы на расстояние выстрела.

День 7

Алекс не послушался мудрого совета. Он проводил время в праздности, много гулял и вместе с заскучавшей без приключений белой лошадей делал вылазки за крепостные стены. Там, за городом, огромные поля украшали себя желтыми и фиолетовыми цветами, зарастали густой травой, тонули в утренних туманах. В них хотелось, раскинув руки, лежать, смотреть в небо без дна и бесконечно вдыхать терпкие запахи лета.

«Они, конечно, больны, – думал Алекс. – Но ты им не судья, ты врач. И вообще, неизвестно, кем бы ты был сам, прожив жизнь под властью дракона».

Обычные люди – ограниченные, завравшиеся, с провинциальным комплексом мелкого деревенского хулигана.

Ничего похожего на кошмарные картинки из доисторической книги с висящими трупами, замученными, убитыми, сгоревшими заживо.

Просто несчастные люди, нуждающиеся в помощи.

Предстоящая встреча с чудовищем, то ли отрекающимся, то ли захотевшим реформ, не пугала. Оставался один неясный момент – в письме было сказано, что он должен приехать в город и ждать встречи с драконом. Но сколько нужно ждать? Может быть, дракон специально дает время поближе познакомиться с жителями, чтобы составить правильный рецепт реформ? Или тиран действительно решил уйти от власти, и встреча вообще не состоится?

В воскресенье, после праздника несогласия, Алекс выехал из города верхом и на грунтовой дороге, прибитой прошедшим ночью дождем, встретил суетливого человека, с которым он познакомился накануне в доме трактирщика. Врач был хмур, спешил, но остановился, чтобы поздороваться.

– Вы не боитесь ходить один за городом? – спросил он, подняв голову вверх и в знак уважения поправив круглые очки на переносице. – Будьте осторожны, оторванцы промышляют разбоем на дорогах. Могут отнять вашу прекрасную лошадь или убить – за кусок хлеба или просто из любопытства.

Алекс поблагодарил за предупреждение, но не принял всерьез.

Обещанные с разных сторон опасности казались едва ли реальнее ночных заморозков в середине июня.

День 14

– Сегодня из дома ни ногой.

– Я помню, папа.

Хозяин гостиницы вышел из кухни и мимо стойки регистрации прошел в холл. На руке у него висела сложенная в несколько слоев клеенка, которую он развернул, встряхнул за края и ловко накинул на стол возле окна. Клеенка оказалась скатертью, белой в диких розовых цветочках.

– Зови своего ухажера к завтраку.

– Папа, перестань.

Вега выходила из кухни с небольшим подносом, на котором стоял фарфоровый чайник и чашка с блюдцем, все в цвет скатерти.

– Что ж мне, и порадоваться за родную дочь нельзя? – он одним движением от центра к краям разгладил цветочки. – Хороший парень.

– Тебе правда нравится?

Он подошел к окну и отдернул занавески.

– Слишком хороший, дочка. Не задержится у нас.

Чашка звякнула о блюдце, но не разбилась.

– Если зовет – уезжай, – негромко сказал он, глядя на мертвую улицу.

Она поставила дымящийся чайник на стол.

– Пойду постучу, чтобы спускался вниз.

Ее легкие каблуки застучали по лестнице, а в просторном холле гостиницы растекались душистые ароматы липы и свежей мяты.

Глухой стук в дверь наверху.

Пауза.

Опять стук.

Пауза длиннее.

В почти пустом деревянном доме слышен еле уловимый скрип открываемой двери в комнату на втором этаже.

Опять пауза, быстрая дробь каблуков – ближе, громче, вниз:

– Папа, там никого нет!

– Как нет? – резко повернулся он.

Сильно припадая на одну ногу, он быстро подошел к стойке регистрации.

Они лежали там, на его рабочем месте, среди вечно разбросанных счетов и пожелтевших квитанций за коммунальные услуги, прямо на книге для записи прибывающих гостей со слипшимися от времени страницами. Он взял часы гостя за черный кожаный ремешок и сказал очевидное:

– Ушел, пока мы спали.

Ничего. Еще только девять, а чума не придет раньше полудня.

Но куда мог пойти безмозглый иностранец? Если за город, то беда.

– Проверь, лошадь на месте?

Лошадь была на месте. Уже легче.

Он послал Вегу в город, а сам остался дома. Было бы намного легче бегать по улицам самому, но с его артритными коленями и мечтать нечего.

* * *

Алекс поднялся на деревянный мост, где неделю назад лейтенант рассказывал ему невразумительную историю про отречение дракона.

Река под ним бесконечно перебирала блестящие отшлифованные камушки, словно надеясь отыскать спрятанное среди них сокровище. Молодой человек смотрел вниз, но не видел ускользающую из-под ног воду, не слышал, с каким звуком она, уплотняясь и набирая скорость, огибает потемневшие опоры моста.

Он пытался вспомнить потерянное ночью сновидение.

Ни одной зацепки.

От сна осталось тревожное, неприятное, болезненное ощущение, как будто внутри него что-то сломалось или испортилось.

Но что ему приснилось, что заставило лежать и прислушиваться к пугающим в темноте звукам, а потом выскочить и быстро идти по тихому предрассветному городу, он вспомнить не мог.

Алекс не повернулся даже на звук каблуков, отлетающий от упругих поперечин моста.

– Как ты меня напугал!

Он вздрогнул от неожиданности:

– Что случилось?

Но она уже держала его, так крепко, словно боялась потерять.

– Что случилось? – повторил он, обнимая ее за плечи и чувствуя, как они вздрагивают в его руках. – Ты плачешь?

– Не буду.

Даже на такую короткую фразу у нее не хватило дыхания.

– Все хорошо?

– Да, – скорее почувствовал, чем услышал он.

Алекс улыбался, слушая пробегающую под ними реку и вдыхая дурманящий запах ее волос. Ночной кошмар растворился, уплыл, стал неважным.

Она успокоилась, задышала ровно, отпустила его.

– Быстрее, а то папа убьет нас.

Они пошли обратно, сначала быстрым шагом, а потом, увлекаемый девушкой, он побежал по безлюдным улицам. Вслед за ними бежало барабанное эхо бульварной мостовой.

* * *

Когда дочь убежала за иностранцем, он прошел по всему дому и проверил окна. В комнате на втором этаже возле подоконника лежала догоревшая свеча. Он поднял ее, закрыл окно и проворчал под нос что-то вроде «почему бы тебе у себя дома пожар не устроить».

Потом спустился на улицу, держась за перила лестницы и аккуратно наступая на правую ногу.

Два ряда домов уходили на восток, и между ними невысоко над горизонтом висело черное пятно.

Он еще несколько раз заходил в гостиницу и выходил обратно.

Оказываясь на улице, он каждый раз прикладывал руку так, чтобы закрыться от карабкающегося вверх солнца, и стоял, вглядываясь вдаль и кусая губы. Пятно становилось больше, как будто с востока на город накатывалась грозовая туча.

В доме он хватался за какие-то вещи, просматривал коммунальные счета и даже один раз проковылял насквозь через кухню, сильно хлопнув крышкой погреба.

Входная дверь открылась как раз в тот момент, когда он ставил на кухонный стол давно остывший чайник в розовых цветочках.

Торопясь и сильно хромая, он вышел в холл, но их шаги уже были слышны на втором этаже.

Хозяин гостиницы подошел к входной двери, два раза повернул ключ, достал его из замка и убрал в карман.

* * *

Гость почти ничего не съел на завтрак и был так бледен, будто ночной кошмар вернулся.

Теперь Алекс смотрел в окно, забравшись с ногами на кожаное кресло в холле первого этажа и обхватив руками колени.

Погода портилась. Пыльный ветер поднял в воздух обрывки газет и покатил вдоль домов пластиковые стаканчики. После полудня по улице полетели сломанные ветки деревьев, а легкие стаканчики и алюминиевые банки катались и подпрыгивали возле стены дома напротив, вихрями поднимались по крутым спиральям до самых крыш, резко срывались с траектории и исчезали в наступившем полумраке. Низкая черно-желтая туча, состоящая из красивых желтых парашютиков размером с обломок спички, накрыла город. В окно было видно, как острые парашютики пытаются зацепиться и спрятаться в любое укрытие – под навесы крыш, в оконные стыки, между булыжниками мостовой. Миллионы крошечных десантников захватили город.

– Это чума, – пояснила Вега. – Мы вовремя вернулись.

– А что бы она нам сделала?

Желтые парашютики стучали в окна со звуком града, как будто злились, что не могут до них добраться.

– Семена чумы нападают на любой живой организм, встреченный на пути. Они проникают через кожу внутрь, и человек умирает в страшных мучениях от сильнейшего химического ожога, – будничным голосом пояснила девушка и добавила: – После этого семена селятся в трупе и доедают его, прежде чем прорасти и дать новые всходы.

– Какой ужас! – поразился Алекс. – Как долго нам придется сидеть дома?

– Созревшие семена живут несколько часов. Если чуме не удастся найти подходящий организм, ночью она погибнет. Очень прихотливое растение, за ним нужен уход.

– Что значит «уход»?! – он вскочил с кресла. – Кто ухаживает за чумой?

– Люди, кто же еще.

– Кто же эти бесчеловечные враги?

– Почему враги? – слегка обиделась Вега. – Не враги. Мы выращиваем.

– Сами для себя??? Зачем???

– Дракон распорядился сажать чуму для устрашения соседей, чтобы понимали и сдерживали себя. Если не сажать, она погибнет. Когда понадобится, поздно будет. Вот и сажаем для сохранения вида. Популяции крыс, диких собак ограничиваем. Много причин.

Чудесная, слегка смущенная улыбка делала девушку неотразимой.

* * *

Он вдруг сделался хмур, непохож на себя, сказал, что хочет побыть один.

Они с удивлением смотрели, как молодой человек, сутулясь и опираясь на перила, поднимается по лестнице.

В эту ночь гость сильно заболел, с высокой температурой, бредом и потерей измученного сознания.

Он выпал из времени на неделю, а оно равнодушно протекло мимо, как делает вода, огибая лежащий на пути камень.

Его мучили кошмары, в которых молодой человек, сражаясь с невидимыми чудовищами, спасал мир. Он требовал задуть несуществующую свечу на окне, жаловался на головную боль и бесконечно просил за что-то прощения. А она держала его за руку, поила водой и, конечно, обещала простить все, что угодно.

* * *

Невидимый дракон подходил ближе, с каждым редким глухим шагом сердце пропускало удар, а в бледном лунном луче, разрезавшем комнату от окна до платяного шкафа напротив, поднималось облачко пыли.

Он внезапно понял, что они с драконом одни в этом огромном доме уже многие столетия.

Алекс замер, боясь скрипнуть кроватью и не в силах пошевелиться, а дракон приближался, заставляя желудок судорожно сжиматься от ужасной трупной вони, облаком накрывавшей чудовище.

Дракон остановился в середине комнаты и стал принохиваться. Теперь были видны его очертания, он вздрагивал в нетерпении, как собака на охоте. От чудовища шел тихий звук, как будто где-то далеко на горячей сковородке потрескивало масло. Головы поворачивались независимо друг от друга в разные стороны, каждая из них что-то искала. В какой-то момент Алекс понял, что дракон ищет, но не может его найти. Плохое зрение и испорченное собственным ароматом обоняние подводили его. Дракон надеялся на слух, но молодой человек лучше бы умер, чем пошевелился.

Дракон сделал два неуверенных шага и встал в лунную дорожку. В бледной полутьме была видна зеленоватая шершавая кожа, покрытая тупыми короткими иглами. Одна из голов тоже оказалась в лунном свете, на ней горел холодный яростный глаз, близоруко вглядывавшийся в окружающий мир.

Дракон покачнулся, балансируя толстым хвостом. С ним было что-то не так. Его кожа жила собственной жизнью. Она была похожа на поверхность вонючего болота, заросшего тиной. Но болото штормило. По нему прокатывались волны судорог.

Дракон еще раз повернул голову и посмотрел на лежащего в кровати человека почти в упор. Взгляд его был пуст и безумен, как у животного, пережившего ужасные страдания и продолжающего жить.

Дракон не искал добычу. Он никого не искал, и никто ему не был нужен. Ему нужно было место, чтобы умереть.

Бледнеющее за окном утреннее небо осветило опрокинутую на пол догоревшую свечу, от которой тоненькой струйкой вытягивался приторный тошнотворный дымок. Алексу понадобились все силы, чтобы поднять глаза на стоящее посреди комнаты чудовище. Вся поверхность дракона была покрыта маленькими пушистыми парашютиками, облепившими его, как тонкое одеяло. Крошечные иголки вцепились в кожу, и было слышно, как семена чумы едят огромную беззащитную жертву со звуком подгорающего масла.

Сердце человека остановилось.

3. Звездочет

*Что ты видишь, когда смотришь на звезды?
И что видят звезды, когда смотрят на тебя?*

У меня осталось только два важных дела. Одно из них – это письмо, а за другое я не волнуюсь.

Ровно пять широких размашистых шагов от узкой кровати до двери, вдоль скошенной стены, которую высокий седой человек едва не задевал головой.

Ровно пять шагов обратно, мимо единственного в комнате мансардного окна в скошенной стене. В тесном черном квадрате полыхает звезда.

Когда-то он мечтал именно о таком окне – с видом на миллион.

Я слишком стар, чтобы играть в человеческие игры.

Предстоящая вечность волнует меня больше нескольких месяцев или лет в этой комнате.

Я уже никогда не пробежу босиком по траве, не поцелую девушку, не обниму отца. Счастье моего возраста в захватывающей дыханием легкости. Больше не нужно ничего нести, даже сожалений.

Но что-то еще держит меня здесь.

Небольшое окно с кусочком неба. Звезды в телескопе. Люди в сердце. Ты.

Звездочет положил карандаш и распрямил сутулую спину.

Пятно настольной лампы выхватывает из ночной комнаты несколько исписанных быстрым почерком листов бумаги.

Ты видишь во мне желчного, вечно недовольного старика. Надо признать, что годы вряд ли сделают меня лучше. Но ты знаешь, чего бы я хотел больше всего. Вернуться лет на тридцать назад, хотя бы ненадолго. Подкинуть тебя вверх, не думая про больную спину, увидеть, как ты летишь, смеяшь и раскинув ладошки, прижать к себе и слышать, как бьется маленькое сердце. Отвечать на твои вопросы, такие наивные и такие важные. Делиться секретами и, едва сдерживая смех, переглядываться, когда мама спросит, куда делась шоколадка. Играть в футбол и чуть-чуть поддаваться, так, чтобы ты не заметил и прыгал от радости. Прочитать вместе книгу. Держать тебя за руку.

Я бы отдал все звезды на свете за один пропитанный нафталином день.

* * *

Если и было в городе что-то похуже трехэтажного дома, угрюмым фасадом нависающего над центральной площадью, то немногое.

Немало интересного можно было найти, проходя по его длинным коридорам.

Крошечные комнаты без мебели с ледяным цементным полом и похожими на узкие бойницы окошками под потолком.

Просторные помещения, стены и пол которых отделаны гладкой плиткой светлых тонов, очень практичной – пятна крови на ней не только хорошо заметны, но легко смываются по утрам.

Ходили слухи про глухие комнаты подземного несуществующего этажа, но тут уже и сами сотрудники тайной полиции переходили на шепот и оглядывались по сторонам.

И все же хуже этого кабинета в углу верхнего третьего этажа не было ничего.

* * *

Невысокий и очень плотный человек в строгом пиджаке поспешил навстречу звездочету.

– Спасибо, что не хотели, а пришли. Я бы тоже не хотел, но – садитесь.

Начальник тайной полиции указал рукой на стул для гостей, стоящий перед лакированным дубовым столом, а сам откинулся назад в широком хозяйском кресле спиной к окну.

– Как ваши звезды, в практическом смысле? – полицейский провел ладонями по начинающим сесть вискам, сцепил пальцы на затылке и улыбнулся улыбкой, которой пугают детей.

– Шучу, не обижайтесь.

Он знает, что любая, самая глупая шутка вызовет заискивающий смех, которым будут давиться потные с дрожащими губами посетители, чтобы понравиться всемогущему хозяину кабинета.

Вот только не сегодня.

Не дождавшись ни слова от вошедшего, полицейский подался вперед и облокотился ладонями на стол, а использованную улыбку стер.

– Вы умный человек, я тоже занят. Перейдем сразу к делу.

Каждая фраза была похожа на небольшой гвоздь, загоняемый опытным мастером одним коротким ударом.

Звездочет почувствовал, как будто через стол к нему пытается пробраться гигантский, с мохнатыми лапами паук.

– Два вопроса, оба пустяки. Первый – ваша колонка в газете. Много лет получал эстетическое удовольствие: эмоции, слог, стиль. Но! – полицейский поставил на стол локти и поднял вверх два указательных пальца, словно пытаясь измерить ими примерное расстояние между глаз. – Мы не можем работать без правил. Принимаете правила – пишите дальше. Я фактами оперирую, не угрозами, – он развел руками, как бы извиняясь за обстоятельства. – Принимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.